

Е.Е. Соколова

К ПРОБЛЕМЕ МЕТОДОЛОГИИ ПОСТРОЕНИЯ ОБЩЕПСИХОЛОГИЧЕСКОЙ ТЕОРИИ В ШКОЛЕ А.Н. ЛЕОНТЬЕВА

В статье дается экспликация методологии построения общепсихологической теории, содержащейся в трудах А.Н. Леонтьева и представителей его школы. Анализируется возможность использования в психологии метода восхождения от чувственно-конкретного к абстрактному и от него – к мысленно-конкретному, предлагается авторское решение проблемы объекта и предмета психологии, вытекающее из идей школы А.Н. Леонтьева, разводятся «категория-начало» и «категория-клеточка». Показано, что выделение в психологии личности такой «категории-клеточки», как поступок, может снять дихотомии «естественно-научного» – «гуманитарного», «аффекта» – «интеллекта», «общего» – «особенного» («единичного»), препятствующие интегративной работе в психологии.

Ключевые слова: школа А.Н. Леонтьева, абстрактное, конкретное, объект и предмет психологии, деятельность, психика, поступок, единица анализа, «категория-начало», «категория-клеточка».

Истина есть великое слово и еще более великое дело. Если дух и душа человека еще здоровы, то у него при звуках этого слова должна выше вздыматься грудь.

Г. Гегель

Введение

События 11 сентября 2001 года не только потрясли «все прогрессивное человечество», но и привели к тектоническим сдвигам в методологии науки, что еще раз доказало ее социокультурную обусловленность. Если еще недавно умами многих философов и методологов науки безраздельно владел постмодернизм, то в настоящее время на Западе возникла ситуация, когда, по мнению известного философа М. Эпштейна, можно говорить о «смерти» постмодернизма как «эклектически изощренной игры со знаковыми системами» [17] и о возвращении к обсуждению вопросов, отвергнутых постмодернистами как архаические и метафизические, – например, о том, какова природа реальности, изучаемой той или иной наукой, в чем сущность человека, к чему он должен стремиться в поисках смысла жизни и пр.

Резкая поляризация западного мира после 11 сентября 2001 года заставляет подвергнуть сомнению и постмодернистскую идею отсутствия противоположностей и олицетворяющую ее метафору «ризомы»¹ – мягко стелющейся, проникающей своими отростками в разные стороны живой субстанции, в которой нет ни верха, ни низа и все переплетено в сеть. Этот образ, предложенный еще в 1974 г. французскими постмодернистами Ж. Делезом и Ф. Гваттари, хорошо иллюстрирует общую ориентацию постмодернистов в науке на методологический плюрализм, их толерантность к любой точке зрения, в том числе вненаучной, отсутствие предпочтения какой-либо концепции и пр.

¹ Ризома (франц. rhizome) – «специфическая форма корневища, не обладающая четко выраженным центральным подземным стеблем» [7, с. 254].

Однако в современных условиях (в пост-постмодернистскую эпоху) возникает необходимость ответственного выбора и обоснованной защиты той или иной определенной позиции, созданной на основе учета и критической переработки иных точек зрения; по мнению петербургского философа В. Савчука, постмодернистская формула «могу так, а могу иначе» уже не оправдана, — сейчас требуется иная: «На том стою, потому что понимаю, что невозможно иначе» [17]. Этой позиции, называемой нами системным монизмом, соответствует метафора иерархически построенного дерева.

Между тем в современной отечественной литературе по методологии вообще и методологии психологии в частности господствует иная точка зрения. По известным причинам многие современные российские психологи отрицают монистическое и системное видение психологической реальности, ассоциирующееся у них с «давлением», «авторитаризмом», «властью», «тоталитаризмом», «марксизмом» и пр.; слова «плюрализм» и «сетевой (ризомный) принцип организации знания», напротив, вызывают положительные эмоции и сочетаются в их трудах со словами «толерантность», «демократия», «постнеклассический идеал рациональности», «постмодернизм» и т.п. Мы не ставим здесь своей задачей обсудить или даже представить основные принципы методологического плюрализма, выдвигаемые представителями современной отечественной «постнеклассической психологии», и критически отнестись к ним. Мы можем только констатировать то парадоксальное обстоятельство, что современные отечественные специалисты по методологическим вопросам психологии идут в известном смысле в обратном направлении по отношению к современным тенденциям развития мировой психологии и при этом волей-неволей игнорируют лучшие традиции отечественных психологических школ. Говоря о все возрастающей

за рубежом популярности идей школы-направления в психологии, связанной с именами Л.С. Выготского — А.Н. Леонтьева — А.Р. Лурии, невозможно закрывать глаза на то обстоятельство, что именно в ней были разработаны основные положения системного монизма, контуры которого проступают и в современных зарубежных научных разработках. Возврат современной науки к «святым» для любого здравомыслящего ученого, стремящегося к истине, вопросам корреспондирует с постоянным интересом неклассической психологии упомянутой школы к таким «метафизическим» проблемам, как проблемы природы психической реальности, объекта и предмета психологии и вопрос о возможности создания (решительно отрицаемой плюралистами) единой общепсихологической теории. На наш взгляд, именно этим (а не только открытыми в школе конкретно-эмпирическими фактами и закономерностями) объясняется возрастающий в зарубежной психологии интерес к исследованиям данной школы и к особенностям лежащей в их основе методологии, которая при должной разработке может способствовать решению остро поставленной временем задачи создания интегративной психологии.

Все вышеизложенное объясняет выбор предмета для обсуждения в настоящей статье. В ней дана попытка экспликации методологии построения общепсихологической теории, содержащейся в трудах А.Н. Леонтьева и представителей его школы. Автор данной статьи уже неоднократно обосновывала мысль о том, что школу А.Н. Леонтьева следует рассматривать как неотъемлемую составляющую большого научного направления, называемого школой Л.С. Выготского — А.Н. Леонтьева — А.Р. Лурии, поэтому лежащая в основе «психологии деятельности» методология не противоречит общеметодологическим установкам всего направления неклассической психологии. Вполне понятны поэтому ссылки на методологические работы

Л.С. Выготского и других представителей неклассической психологии.¹

Абстрактное и конкретное в научном познании

Философской основой создаваемых Л.С. Выготским и А.Н. Леонтьевым психологических теорий была материалистическая диалектика, разработанная в марксизме на основе диалектической логики Г. Гегеля. Универсальным методом построения научной теории в материалистической диалектике считается метод восхождения от чувственно-конкретного к абстрактному и от него — к мысленно-конкретному.² Рассмотрим (по необходимости не очень подробно, — это составляет предмет специального анализа в философской литературе), каково содержание указанных философских категорий, с целью их последующего использования в решении интересующих нас проблем. Воспользуемся для этого глубоким анализом диалектики абстрактного и конкретного в философских трудах Э.В. Ильенкова, отечественного философа, который был тесно связан со школой А.Н. Леонтьева, и, по мнению зарубежного марксиста Д. Претеля, был лучшим философом-марксистом 50–70-х гг. XX в. [18, с. 12]. В свое время, будучи обвиненным в «гегельянстве» за «особое» (и якобы не соответствующее диалектической логике К. Маркса) решение проблемы идеального, Э.В. Ильенков с 1953 г. был лишен права преподавания на философском факультете МГУ (с тех пор его творческая жизнь была связана с Институтом философии РАН). А.Н. Леонтьев, который стал деканом

факультета психологии МГУ им. М.В. Ломоносова с 1966 г., т.е. с момента его создания, в середине 70-х гг. пригласил опального преподавателя для чтения лекций по фундаментальным проблемам теоретической психологии (см. [14, с. 5]).

Вслед за Г. Гегелем и К. Марксом, Э.В. Ильенков понимал конкретное как «единство многообразного», а абстрактное (противоположную конкретному категорию) — как *одностороннее* знание (см. [6, с. 19, 21]). То, что абстрактное является односторонним и тем самым ограниченным знанием, было, по мнению Э.В. Ильенкова, прекрасно показано Г. Гегелем в его небольшой работе под названием «Кто мыслит абстрактно?» Г. Гегель отвечает на этот вопрос так: абстрактно мыслит вовсе не кабинетный ученый, оперирующий понятиями и категориями, а, например, торговка на рынке, которая воспринимает самых разнообразных посетителей рынка только «в одном разрезе» (т.е. весьма односторонне): как потенциальных покупателей. И когда одна из покупательниц называет ее яйца тухлыми, наряд этой дамы, ее родственники, ее поведение и пр. оцениваются торговкой «исключительно в свете того преступления, что та посмела назвать ее яйца тухлыми» (цит. по [6, с. 37]). Однако абстрактное (одностороннее) и конкретное (единство многообразного) в процессе построения теории переплетены чрезвычайно тесно. Начинается путь научного познания с многообразного по своим свойствам *чувственно-конкретного* целого, которое мы считаем **предметом** (или **объектом** — в данном случае мы отвлекаемся пока от различий этих понятий) нашего исследования. Для дальнейшего познания данного конкретного целого, которое заключается в абстрагировании (выделении) отдельных его свойств (или фрагментов, «единиц») для специального их изучения, необходимо некоторое предварительное представление об изучаемом объекте как «единстве многообразного», которое, как писал К. Маркс,

¹ Об используемом здесь понятии «неклассическая психология» см. в [23].

² Это не означает, естественно, тождества данного метода в каждой конкретной науке. Метод восхождения задает лишь направление исследования и логического размышления ученых, тогда как их конкретное воплощение зависит от природы реальности, к которой «прилагается» данный метод, и степени понимания и анализа ученым диалектики предмета исследования.

должно «постоянно витать перед нашим представлением как предпосылка» [13, с. 38]. Такое приблизительное, но целостное представление об объекте изучения должно предостеречь нас от возможного упрощения при абстрагировании.

Очевидно, что подобное предварительное, пусть и «смутное» представление об изучаемой реальности должна иметь и психология. Для этого ей необходимо решить (хотя бы и в первом приближении) вопрос об объекте и предмете психологической науки. Это в свою очередь является результатом сложной абстрагирующей мыслительной деятельности ученого. «Всякое теоретическое познание предмета, — писали в свое время разделяющие идеи диалектической логики Ж.М. Абдильдин и А.Н. Нысанбаев, — прежде всего начинается с выбора предметной области (объективного конкретного), которая должна быть подвергнута теоретическому анализу. С первого взгляда представляется, что предмет, предметная область неизменно дана исследователю. При ближайшем же рассмотрении выбор предметной области оказывается сложным вопросом, т.к. она не дана раз и навсегда, а имеет относительную природу, выступает исторической проблемой» [1, с. 63–64].

Для воссоздания «чувственной (объективной) конкретности» в системе научных понятий (т.е. в форме мысленно-конкретного), — пишет далее Э.В. Ильенков, — необходим особый анализ, который направлен «на детальное расчленение таких явлений (“отношений” и т.д.), которые непосредственному эмпирическому созерцанию и представлению кажутся “простыми” и нерасчлененными» [6, с. 149–150]. Специфика подобного анализа заключается в постоянном учете целостного характера изучаемой реальности, и поэтому выделяемые «единицы анализа» должны воплощать в себе основную систему свойств и отношений целого. Это означает, что, выделяя (абстрагируя) отдельные составляющие («части») изучаемого целого, необходимо

с самого начала проследить отношения между ними, выделяя самые существенные из них как целостнообразующие (системообразующие) факторы, и шаг за шагом воссоздавать диалектику предмета («чувственно-конкретное») в диалектике понятий («мысленно-конкретное»). Тем самым процессы восхождения от чувственно-конкретного к абстрактному и восхождения от абстрактного к мысленно-конкретному тесно связаны между собой и происходят в одном временном пространстве, а не следуют друг за другом. Из вышеизложенного очевидно, что при построении общепсихологической теории проблемы предмета психологии и единиц анализа тесно сплетены в один тугой узел.

Общим итогом построения по данной схеме психологической теории должна стать, по мнению А.Н. Леонтьева, такая общая психология, которая превратилась бы «в науку о живом человеке, в науку о «самом важном»: «то, что художники дают в худ<ожественных> образах, пси<хология> должна дать в системе научных понятий» [10, с. 165].

Нашим следующим шагом будет раскрытие того, как конкретно прилагается вышеизложенная абстрактная схема построения научной теории к построению психологической теории деятельности.

Проблема соотношения объекта и предмета психологии в школе А.Н. Леонтьева

Вопрос о том, что должно выступить исходным пунктом восхождения от чувственно-конкретного к абстрактному, решался А.Н. Леонтьевым на основании критического синтеза имевшихся в психологии различных точек зрения на эту проблему. Касаясь этого вопроса еще в харьковский период своей деятельности, ученый очень четко говорил о диалектическом «снятии» в деятельностном подходе двух основных взглядов на предмет психологии: «В психологии ни объективное (данные объект<ивного> набл<юдения>),

ни субъективное (интроспекция) не совпадают с ее действительным предметом. Бытие психологического заключается в наличии единого и неразложимого одушевленного жизненного процесса» [10, с. 166]. Здесь А.Н. Леонтьев учитывает очень важное для диалектики положение, что выделение той или иной реальности в качестве точки отсчета для соответствующего восхождения уже должно определяться предварительным теоретическим представлением об этой реальности (которое, по К. Марксу, должно «витать» как предпосылка), т.е. обуславливаться решением вопроса о предмете и объекте научного исследования.

Как известно, в истории психологии было столько различных (вплоть до, как казалось, взаимоисключающих) определений предмета психологии, что до сих пор данная проблема не имеет однозначного решения. Это во многом обусловлено сложнейшей природой самой психической реальности. «Предмет психологии, — отмечал Л.С. Выготский, — самый трудный из всего, что есть в мире, наименее поддающийся изучению; способ ее познания должен быть полон особых ухищрений и предосторожностей, чтобы дать то, чего от него ждут» [2, с. 417]. В психологии решение проблемы предмета психологии осложняется также и тем, что часто смешиваются понятия «предмет» и «объект» психологической науки.

Рассмотрим, как решает вопрос о соотношении двух указанных понятий науковедение в целом. В литературе встречаются в основном следующие три позиции в решении данного вопроса: 1) отождествление объекта и предмета (оба термина обозначают конкретный класс явлений, изучаемых данной наукой); 2) определение предмета как стороны объекта, изучаемой именно данной наукой, тогда как иные стороны этого же объекта могут быть изучены другими науками, имеющими свои предметы; 3) предмет науки — совокупность моделей, абстрактных объектов, средств

исследований определенной реальности (объекта), используемых в данной науке.

В психологии понятия «объект» и «предмет» также часто смешивались между собой. Пожалуй, только в отечественной неклассической психологии эта проблема специально обсуждалась. Особое внимание уделял решению проблемы предмета психологии П.Я. Гальперин. Он разделял точку зрения на соотношение понятий «предмет» и «объект» науки, обозначенную нами цифрой 2), т.е. П.Я. Гальперин разводил *объект* как фрагмент объективной реальности, изучаемый разными науками, и *предмет* исследования как сторону объекта, изучаемую данной наукой ее специфическими методами.

Поясним вышеприведенное различие *объекта* и *предмета* психологии в школе А.Н. Леонтьева с учетом эволюции ее идей. Как известно, в разные годы А.Н. Леонтьев давал различные дефиниции предмета психологии. Так, в работе «Методологические тетради», написанной на рубеже 30-х и 40-х гг. XX в., психология определяется им как наука, имеющая своим предметом «деятельность субъекта по отношению к действительности, опосредствованную отображением этой действительности» [10, с. 163]. В более поздних работах (в книге «Деятельность. Сознание. Личность», вышедшей первым изданием в 1975 г.) А.Н. Леонтьев определил психологию как конкретную науку «о порождении, функционировании и строении психического отражения реальности, которое опосредствует жизнь индивидов» [9, с. 99]. В известном смысле «промежуточной» дефиницией является определение, данное А.Н. Леонтьевым в написанной вместе с М.Г. Ярошевским статье «Психология» в БСЭ: «Психология... — наука о законах порождения и функционирования психического отражения индивидом объективной реальности в процессе деятельности человека и поведения животных» [11, с. 193]. Проведенный нами (см., в частности, [22])

анализ исторического изменения взглядов А.Н. Леонтьева на предмет психологии в соотношении с другими позициями внутри школы привел к выводу, что при всех различиях в дефинициях объектом психологической науки в школе А.Н. Леонтьева выступает **деятельность**, тогда как предметом — **психика**, понимаемая как функциональный орган деятельности¹, выполняющий определенную работу.

Представителями школы А.Н. Леонтьева выделялось в деятельности несколько ее «функциональных органов», называемых чаще всего «частями», «составляющими» деятельности (или действия). Главными из них выступают *ориентировочная и исполнительная составляющие*.² Задачей *исполнительной* составляющей деятельности является не только приспособление субъекта к миру объектов, в котором он живет, но и изменение, и преобразование этого мира в соответствии с имеющимися у субъекта потребностями и поставленными им целями. Однако для полноценного осуществления исполнительской функции деятельности ее субъекту необходимо ориентироваться в свойствах и закономерностях мира, т.е., говоря иначе, познать их и уметь

изменить свою деятельность в соответствии с познанными закономерностями. Именно эти последние задачи решаются психикой (*«ориентировочной составляющей»* деятельности). Таким образом, психика субстанциально неотделима от деятельности и не «включается» в нее как отдельная реальность в виде иных по природе процессов или явлений, а представляет собой функциональный орган деятельности.

У взрослого человека, как правило, ориентировка забегает вперед исполнению (сначала осмотрелся, подумал, рассчитал, а потом исполнил). Однако это не означает, что ориентировка не может осуществляться во время исполнения, а иногда, как мы знаем, даже после него. Очень часто так ведет себя неопытный взрослый или ребенок на ранних этапах онтогенеза. Когда детям-дошкольникам, скажем, дается задание провести шарик по лабиринту, не выполняя никаких реальных практических действий по передвижению данного шарика по лабиринту рукой, а сделать это, лишь примеривая взором его возможный путь (т.е. осуществляя ориентировочное действие в образной форме), не все дети могут это сделать сразу. У них образ лабиринта, на который можно было бы опереться в исполнении, еще не сформировался, поскольку он является результатом долгой *«кристаллизации»* практического действия, выполняющего, наряду с исполнительской, еще и ориентировочную функцию. Или, допустим, когда ребенку полутора-двух лет дается задание на открытие ящика (где лежит привлекающая его игрушка, и который был закрыт на его глазах), ребенок не исследует замок, прежде чем открыть ящик, как это, вероятно, сделал бы взрослый. Он просто пытается открыть его различными доступными ему способами и в процессе разнообразных действий (в том числе не приводящих к успеху) познает закономерности устройства замка (т.е. исходно познание осуществляется в форме реальных практических действий, имеющих своей целью

¹ Согласно А.А. Ухтомскому, который ввел это понятие в физиологию, функциональный орган можно определить как временное сочетание сил, способное совершить определенное достижение.

² Кроме ориентировочной и исполнительской, некоторыми авторами выделяются и другие «части» действия (деятельности): так, П.Я. Гальперин говорил в свое время о контрольной части действия. В отдельных работах он, впрочем, не видел необходимости выделять специальную контрольную часть действия, определив контроль как одну из возможных форм ориентировки. Т.В. Габай [3] выделяет также — как отдельную — корректировочную часть действия, задачей которой является повторное исполнение, коррекция, исправление неправильно осуществленного действия. Представляется, однако, что контрольная и корректировочная части действия являются формами ориентировки или «скорректированного» исполнения, поэтому можно говорить лишь о двух составляющих — функциональных органах — действия (деятельности): ориентировочной и исполнительской.

именно результат, исполнение). Лишь гораздо позже ориентировка, которая ранее «плелась в хвосте» исполнения, начинает забегать вперед него. Конечно, это не означает, что ориентировка не может осуществляться «впрок», вне непосредственной связи с немедленным исполнением. Даже у высших животных мы можем обнаружить это «бескорыстное» исследование мира, которое не направлено на немедленное получение практического результата. Подобные примеры показывают, как сложны отношения между отдельными «функциональными органами» деятельности, один из которых может быть назван психикой. Поэтому для понимания последней необходимо изучение структуры и динамики деятельности вообще.

Такое понимание психики разрешает поставленную еще С.Л. Рубинштейном проблему единства деятельности и сознания (психики) следующим образом: единство деятельности и психики предполагает не простое объединение двух разных по природе реальностей, а их конкретное соотношение как *субстанции* и ее *функционального органа*, выполняющего определенные функции. Согласно идеям школы А.Н. Леонтьева, это функция построения образа мира, в котором действует обладающий психикой субъект, и регуляция на этой основе деятельности данного субъекта.

Кроме того, выбор деятельности в качестве объекта, а психики — в качестве предмета психологии «снимает», на наш взгляд, все известные исторические варианты решения проблемы объекта и предмета психологической науки. Деятельность является целостной развивающейся системой, в которой в неразделимом единстве представлены все феномены, выступавшие в разные эпохи развития психологической науки предметом исследования.

Явления внутреннего мира, выступавшие предметом изучения в интроспективной психологии во всем многообразии ее вариантов, представляют собой особую

«внутреннюю» форму существования деятельности и ее результатов. Возьмем, к примеру, решение той или иной математической задачи ученым «в уме». Процесс решения, несомненно, деятельность, т.к. он предполагает ту или иную заинтересованность математика в решении данной задачи и при этом направленность его активности на определенный объект, который становится в данном случае предметом умственного действия субъекта. Полученное в результате процесса решения какое-либо новое знание, выступающее здесь как «понимание» принципа решения данной задачи, также переживается как «внутреннее явление». Таким образом, все явления внутреннего мира (переживания, образы, воспоминания и т.п.) всегда предстают либо в форме процессов, либо в форме результатов какой-либо деятельности (как в ее «внутренних», так и «внешних» формах).

Явления поведения (как внешне наблюдаемая реальность, изучаемая в бихевиоризме и необихевиоризме) выступают внешними проявлениями деятельности, но для подлинного понимания последней нельзя ограничиваться только их изучением, потому что собственно «пружины» деятельности (ее мотивы — то, ради чего деятельность совершается) скрыты от прямого внешнего наблюдения.

Бессознательные процессы также имеют непосредственное отношение к деятельности. С точки зрения школы А.Н. Леонтьева, деятельность человека всегда побуждается каким-то конкретным мотивом, который часто (или даже как правило) бессознателен. Впервые об этом научно обоснованно заговорил З. Фрейд, открывший пути эмпирического изучения бессознательных мотивов (влечений) в созданном им психоанализе. Другие бессознательные явления (установка, автоматизированные операции т.п.), изучавшиеся иными школами и направлениями в психологии, также выполняют свои особые функции в деятельности.

Общественные отношения не существуют иначе, как в формах человеческой деятельности и человеческого общения. Общение людей друг с другом также можно рассматривать как деятельность, т.е. как форму реализации особого отношения субъекта к объекту — этим последним в данном случае выступает другой человек. Общение с другим человеком, как и любая деятельность, всегда чем-то мотивирована, направлена на реализацию каких-либо целей общения, опосредствована соответствующими «орудиями» общения и т.д.

Предметы материальной и духовной культуры выступают непосредственными результатами различных форм деятельности субъекта, в которых «опредмечиваются» мысли, чувства, желания субъекта, способы его видения мира и себя в нем, его умения и пр. Для входящего в культуру индивида в подобной опредмеченной форме предстает «общественное сознание» как надындивидуальная реальность, созданная многими поколениями людей. Когда индивид, напротив, использует предметы (пьет из созданной другим человеком чашки, слушает написанную им симфонию, наслаждается поставленным известным режиссером спектаклем и т.п.), он «распредмечивает» скрытые в подобных предметах результаты человеческой деятельности, превращая их в свое собственное достояние, «присваивает» их, приобщаясь к мыслям, чувствам, смыслу другого человека и человечества в целом.

Наконец, *телесные (физиологические) процессы* не просто сопровождают деятельность — без них никакая деятельность вообще не была бы возможна. Однако они не определяют деятельность. Они являются формами реализации различных деятельностных структур и поэтому также должны изучаться в психологии, в тех ее отраслях, которые имеют прямое отношение к этим вопросам (в частности в психофизиологии, в психогенетике, в детской психологии, которая не может не учитывать «постоянное

изменение» органических предпосылок психического развития в раннем онтогенезе человека, и т.п.).

Таким образом, выбор деятельности в качестве чувственно-конкретного и последовательное проведение диалектических процедур по воссозданию в понятийных структурах всех сторон и свойств психики как ее функционального органа дает возможность построения той самой «интегративной» психологии, о которой говорится в последнее время как ближайшей задаче методологической работы в психологической науке.

Проблема единиц анализа в психологии и ее решение в школе А.Н. Леонтьева

Возникнув однажды в эволюции материи, психика развивается, меняются законы ее существования, появляются ее новые формы и структуры. Поэтому возникает вопрос о единицах анализа столь сложной и многомерной реальности на разных ступенях ее развития. Выделение единиц анализа изучаемой реальности выступает важнейшим этапом построения общепсихологической теории.

Обычно, вслед за Л.С. Выготским, анализ «по единицам» противопоставляется анализу «по элементам». Анализом по единицам называется такой тип анализа, в результате которого получается абстракция, соответствующая реальному структурному компоненту рассматриваемого целого, несущему в себе его основные свойства. Хорошо иллюстрирует данный способ анализа пример, принадлежащий Джону Стюарту Миллю и использованный Л.С. Выготским: единицей анализа какого-либо химического соединения, например воды, не теряющей ее основные свойства, является молекула (воды). Результатом же анализа «по элементам» будут в данном случае атомы (водорода и кислорода), т.е. такие «элементы» целого, которые не обладают уже его основными свойствами.

Однако, строго говоря, элемент — это тоже *единица* анализа, только элементаристского. Такой единицей анализа в рамках элементаризма было, например, ощущение или представление в структурализме Э.Б. Титченера, — подобное образование выступало именно *элементом* целого, не имеющим свойств этого целого. Напротив, единицей анализа, не теряющей свойства целого в результате соответствующей процедуры, выступает, к примеру, значение как «единица» мышления и речи в их единстве (Л.С. Выготский).

Кроме того, существуют разные единицы «целостного» анализа, выделяемые для решения разных задач психологической науки. Для понимания специфики этих единиц возвратимся к проблеме построения научной теории методом восхождения от чувственно-конкретного к абстрактному и от него — к мысленно-конкретному. В свое время глубокий анализ данной проблемы был дан в рамках немецкой психологической школы, которая называла себя *критической психологией* (см. [20]). Считая психологию наукой о функционировании и развитии психического, школа критической психологии пришла к выводу о том, что главной, «предметоконституирующей категорией» является категория «психическое» (психика), и это и есть та исходная абстракция (единица анализа), которая является точкой начала восхождения от абстрактного к конкретному.

Далее процесс восхождения предполагает последовательный анализ разных форм «психического» на протяжении фило-, антропо-, социо-, онто- и актуалгенезов с выделением соответствующих психологических категорий как «промежуточных абстракций», релевантных тому или иному этапу анализа и выражающих конкретно-историческую спецификацию исходных абстрактных определений. Таковыми являются, с точки зрения критической психологии, «сознание», «личность», «самосознание», «конкретная деятельность

человека», «мотивация человека в определенных общественно-исторических условиях» и пр. Следует отметить, что в рамках критической психологии в связи с построением подобной системы понятий была развернута критика советской психологической науки в связи с недостаточной конкретностью ее психологического анализа. Так, теория деятельности А.Н. Леонтьева была раскритикована за использование лишь «всеобщих» абстракций — «деятельность вообще», «сознание вообще» и пр. без прослеживания их конкретно-исторической спецификации.

Однако и в самой критической психологии недостаточно четко разводились разные типы единиц (целостного) анализа, которые могут выступить исходными в процессе восхождения от абстрактного к конкретному. В свое время в работах отечественных философов, занимавшихся данной проблемой (М.М. Розенталь, И.С. Нарский и др.), были разведены «категория-начало» и «категория-клеточка». Обе эти категории являются исходными при восхождении от абстрактного к конкретному, но в двух разных отношениях.

«*Категория-начало*» выражает первоначальное (нерасчлененное) представление о предмете науки в целом, что, однако, является результатом уже проведенного ранее сложнейшего «абстрагирующего» анализа. «Категория-начало» является «предметоконституирующей»¹ категорией. В теории деятельности, как и в критической психологии, такой категорией выступает «психическое» («психика»), которое понимается как функциональный орган деятельности. Эта важнейшая абстракция предохраняет от редукции предмета психологии к предметам других наук и выделяет в многомерном чувственно-конкретном (жизни и деятельности субъекта в его мире) ту его сторону, которую не изучает никакая другая наука.

¹ То есть категорией, конституирующей предмет психологии.

Данная абстракция является не «тощей» или пустой, как, например, «сознание» в концепциях Э.Б. Титченера или В. Вундта,¹ а структурной, многоуровневой, в которой «спрятана» целая система категорий, презентующих разные структуры и уровни психической реальности, причем с выделением их специфики на разных ступенях развития психики (например, сознание как специфическая форма психического, индивид, социальный субъект и личность как стадии развития субъектности в онтогенезе человека и пр.). Вся эта система абстракций представляет собой конкретную спецификацию исходной «категории-начала»; отдельные категории из данной системы могут выступать «предметоконституирующими» категориями для отдельных отраслей психологии (например, психологии личности).

Однако даже такой спецификации недостаточно для построения «мысленно-конкретного». Для полной мысленной реконструкции изучаемой в психологии реальности необходимо выделение других единиц анализа, называемых «*категориями-клеточками*». «Категория-клеточка» обозначает реальный структурный компонент рассматриваемой целостности психики на определенном этапе ее конкретно-исторического развития, воплощающий в себе основное *противоречие*, которое — как «системообразующий фактор» — вносит наиболее существенный вклад в свойства целого. На каждом этапе развития психического должны быть выделены разные «клеточки». Таковой, например, является категория «*по поступок*» как «категория-клеточка», выступающая единицей анализа психологии личности. Основное противоречие, являющееся «системообразующим фактором» поступка, — противоречие между двумя мотивами, которое разрешается

путем самостоятельного и ответственного выбора личностью того или иного мотива и соответствующей деятельности. В конечном счете в психологии может быть выстроена стройная система скоординированных и субординированных категорий, отражающая в форме мысленно-конкретного диалектику изучаемого психологией чувственно-конкретного.

Следуя данной логике, рассмотрим одну из возможных «категорий-клеточек» в психологии применительно к высшему уровню развития субъекта и его психики — личности.

Поступок как единица анализа психологии личности

Принято считать, что категория личности была в советской психологии (особенно в школе Л.С. Выготского — А.Н. Леонтьева) на заднем плане, что, занимаясь в основном психическими процессами в контексте проблем сознания и деятельности, в этой школе «забывали» о личности как их носителе (что, в частности, было обусловлено известными социокультурными причинами), между тем как в западной психологии проблемы личности всегда освещались гораздо шире. Это не совсем так. Уже на заре возникновения деятельностного подхода в психологии категория личности нашла свое достойное место (правда, в то время соответствующие тексты не публиковались²). Именно в эти годы, когда, казалось бы, обстоятельства не благоприятствовали свободному научному творчеству, в г. Харькове (в то время — столице Украины) в исследованиях нового научного коллектива под руководством А.Н. Леонтьева складываются идеи, значимость которых по достоинству еще не до конца оценена современной психологией личности. Однако, прежде чем

¹ Сознание в данном варианте интроспективной психологии предстает лишь в своих формальных, а не содержательных характеристиках, как плоскость или емкость, заполненная образами и процессами.

² Основные положения теории личности А.Н. Леонтьева нашли свое отражение лишь в публикациях 60-70-х гг. XX в. (см. их анализ в биографической книге о А.Н. Леонтьеве [8, с. 200—209]).

анализировать некоторые из них, напомним читателю имеющиеся в современной психологической литературе определения понятия «личность». Они различаются прежде всего объемом определяемого понятия.

В самом широком смысле слова под личностью подразумевают отдельного человека с момента его рождения (наиболее распространенная точка зрения в современной психологии). Сторонники этой позиции утверждают, что, изучая, к примеру, телосложение и его связь с особенностями темперамента, мы занимаемся личностью. При этом подчеркивается уникальная неповторимость личности уже на уровне телесной организации (рост, вес, цвет глаз, особенности внешности и т.п.). «Правда» этой точки зрения состоит в том, что человек действительно уникален и индивидуален уже на уровне телесной организации, а особенности его психофизиологических структур служат основой для формирования особых уже собственно личностных свойств. Но войдет ли та или иная физическая особенность в структуру собственно личности — это еще вопрос. А.Н. Леонтьев приводил в данной связи известный пример. У мальчика врожденный вывих бедра. Определит ли данный грубый анатомический дефект его личностные особенности, как думают, вероятно, многие житейские психологи (считая, что родившись с тем или иным уродством, например, с горбом и т.п., человек уже автоматически становится злобным завистником, мечтающим отомстить всему человечеству за свои недостатки)? В школе А.Н. Леонтьева решительно отрицают это. Сам по себе дефект выступает лишь «органической предпосылкой» формирования личности, а на базе этих предпосылок (накладывающих, впрочем, некоторые соответствующие ограничения на приемы и технику воспитания) в совместной деятельности ребенка со взрослым могут быть сформированы разные типы личности.

Поэтому А.Н. Леонтьев настаивал на разведении понятий «индивид» и «личность»,

сужая при этом объем последнего понятия (индивидом рождаются, утверждал А.Н. Леонтьев, личностью становятся). Индивид — продукт онтогенетического развития заложенных в его организме генетических программ в конкретных условиях его деятельности в определенной среде. Личностью можно назвать человека лишь с определенного момента его развития. Личность «рождается» в онтогенезе «дважды», говорит А.Н. Леонтьев. Первое рождение личности начинается (это не одномоментное событие) в возрасте около трех лет и продолжается фактически все дошкольное детство. Критерием произошедшего рождения является принятие субъектом социальных норм и ценностей как мотивов своего собственного поведения. Внешне это проявляется, например, в способности ребенка и в отсутствие взрослого не брать понравившийся ему предмет только потому, что «его нельзя трогать». У ребенка складывается определенная иерархия мотивов деятельности, на вершине которой находится социальный мотив, подчиняющий себе собственно индивидуальные мотивы ребенка. Огромную роль в данном процессе имеет сюжетно-ролевая игра, которая прежде всего требует соблюдения определенных социально санкционированных правил как законов, которыми все больше и больше начинает руководствоваться субъект игровой деятельности.

Второе рождение личности, по А.Н. Леонтьеву, происходит (или может происходить) в подростковом возрасте, когда ребенок, у которого уже сложилась в результате предшествующей деятельности определенная более или менее устойчивая иерархия мотивов, оказывается вдруг перед необходимостью ее пересмотра. Это происходит потому, что все больше и больше расширяется круг социальных отношений, в которые входит ребенок, увеличивается число реализующих эти отношения видов деятельности и возникают противоречия уже внутри круга соответствующих им социальных мотивов. Особенно отчетливо это

впервые может обнаружиться в подростковом возрасте, когда социально одобряемый родителями ребенка поступок (например, не дать списать соседу по парте выполненное домашнее задание) вдруг получает резко отрицательную оценку не только этого самого соседа, но и других учеников класса, ставших для подростка «значимыми другими». В этом возрасте ребенок начинает ставить перед собой глобальные вопросы о том, что такое добро, что такое зло, к чему следует стремиться и чего избегать, каковы должны быть жизненные идеалы и т.п., и начинает овладевать своим собственным поведением, осознавая его. Критерием второго рождения личности является, как утверждает в школе А.Н. Леонтьева, первый в жизни человека самостоятельный и ответственный поступок. Поступок требует выбора уже внутри социальных мотивов субъекта, и его осуществление зачастую требует от человека противостояния ближайшему социальному окружению. Как пишет разрабатывающий эту проблему далее Д.А. Леонтьев, «первое рождение личности» — это операциональная эмансипация личности, когда ребенок ощущает себя как некую автономную единицу; «второе рождение» — это смысловая эмансипация, осознание себя как смысловой единицы, когда мировоззрение подростка становится индивидуальным, перестает совпадать со смысловым полем, в котором он сформировался (см. [12]).

Весьма существенные качественные различия между механизмами «первого» и «второго» рождений личности привели многих учеников и последователей А.Н. Леонтьева к идее пересмотра объема понятия «личность» в сторону еще большего его сужения. В частности, В.В. Петухов и В.В. Столин в 80–90-е гг. XX в. [15; 16; 24] считали, что в результате «первого рождения» рождается еще не личность, а социальный индивид (социальный субъект), который воспринимает социальную норму как значимый для него внутренний

регулятор поведения, но при этом даже не задумывается о возможных альтернативных социальных нормах. Напротив, личностью можно назвать такого социального индивида, который, в известном смысле критично относясь к этим ранее значимым социальным нормам, может «преодолеть» обязательность их воздействия на себя и свободно выбрать те формы регуляции своего деяния, которые выходят за рамки привычных для его социального окружения (принятых) правил поведения. Поэтому становление социального субъекта личностью предполагает повышение его ответственности и самостоятельности.

Разделяя эту последнюю точку зрения (и рассматривая поступок как единицу анализа личности в самом узком смысле слова), мы не должны забывать, что, став личностью, человек несет в себе «в снятом виде» свойства индивида и социального индивида. Эти же свойства несет в себе и поступок, который, хотя и рассматривается как единица анализа личности в самом узком смысле слова, требует для своего полного понимания обращения к индивидуальным и социально-субъектным характеристикам человека и поэтому является той целостной системой («клеточкой»), которая отражает в своих особенностях весь мир человеческой психологии на определенном этапе онтогенетического развития субъекта. Именно это и позволяет нам высказать убеждение, что введение категории поступка в категориальный строй психологической науки и дальнейшая ее разработка позволят снять дихотомию естественно-научного и гуманитарного подходов, рассматриваемых многими учеными как альтернативные. Некоторые из них допускают даже существование двух психологий — как естественной науки и как гуманитарной науки.

Эта идея, как известно, имеет свою давнюю историю. Впервые она возникла в конце XIX в. в работах немецкого философа и психолога Вильгельма Дильтея (1833–1911), который различал объяснительную

номотетическую психологию (понимая под ней современную ему интроспективную экспериментальную психологию в варианте «физиологической психологии» В. Вундта) и описательную идиографическую (имеющую в качестве своего предмета целостную душевную жизнь, в том числе в ее высших проявлениях, недоступных экспериментальному изучению, методами постижения которых являются описание и понимание душевной жизни индивида в ее целостности, уникальности и смысловой связи с ценностями культуры).

В XX в. эта идея двух психологий становится очень популярна и обсуждается фактически до сих пор как возможность сосуществования естественной и гуманитарной стратегий исследований в психологии. Выделение в качестве единицы анализа личности поступка может снять проблему разных языков описания человека как субъекта (к постижению которого стремится гуманитарный подход) и как объекта (изучаемого с позиций естественно-научного подхода). В наиболее остром виде данную проблему сформулировал однажды В.П. Зинченко: как единым языком описания совместить несовместимое – физиологию и душу? При анализе поступка с позиций теории деятельности они вполне совмещаются.

Какое место в известной схеме структуры деятельности (деятельность – мотив, действие – цель, операция – задача) занимает поступок, рассматриваемый нами как единица анализа личности? На наш взгляд, его место – выше, чем отдельная деятельность, потому что он определяется хотя и как действие, но действие полимотивированное, т.е. такое, в котором пересекаются (точнее, выстраиваются в иерархию) отдельные отношения субъекта, реализуемые разными конкретными его деятельностями. В том же смысле определяет поступок и В.В. Столин, обратившийся к этой категории в контексте исследований самосознания личности: «Действие, объективно

связанное с двумя мотивами так, что слугит шагом в направлении к одному из них и одновременно шагом в направлении от другого, и в силу этого обладающее конфликтным смыслом, будем называть поступком» [24, с. 107]. Это и есть та исходная «объективная конкретность» («чувственно-конкретное»), которая (как исходная «клеточка») должна быть подвергнута дальнейшему анализу.

Поскольку поступок представляет собой единицу анализа личности более высокого уровня, нежели деятельность, постольку поступок можно анализировать «через призмы» деятельности, действия, операции и психофизиологических функций. При этом следует отметить, что мы ставим перед собой задачу именно психологического анализа поступка (т.е. психолог должен изучать не поступок «в целом», а его «психологическое обеспечение»¹). Рассмотрение поступка через «призму» деятельности означает выделение и анализ лежащих в его основе мотивов. Изучение поступка через «призму» действия (подчиненного цели как «модели потребного будущего») требует анализа реальных и идеальных целей, которые стояли перед субъектом поступка. Не менее важную роль играют операционально-техническая сторона поступка (способы совершения действия в определенных конкретных условиях) и даже его «психофизиологическая» составляющая. Ведь поступок осуществляется человеком, имеющим определенную телесную организацию (конституцию, особенные свойства нервной системы и т.п.). Здесь неизбежно возникает опасность впасть при анализе поступка в физиологический

¹ Представители других наук могут изучать поступок, как говорил Б. Спиноза, «под другими атрибутами»: историк будет интересоваться влиянием поступка исторической личности на ход истории, этик – воплощением в поступке тех или иных норм морали, юрист будет рассматривать совершенный той или иной личностью поступок с точки зрения соответствия нормам права и пр.

редукционизм, поэтому перед психологом должно «витать как предпосылка» и определенное решение психофизиологической проблемы, также намеченное в школе А.Н. Леонтьева.

«Синхронический» анализ поступка должен дополняться «диахроническим» его анализом. Последний означает выделение и специальное исследование этапов совершения поступка. В свое время С.Л. Рубинштейн выделил четыре этапа волевого действия, т.е. поступка в нашем смысле слова (возможные различия между поступком и волевым действием и соотношение двух этих психологических категорий выходит за рамки нашего анализа). «В сложном волевым действии, — писал С.Л. Рубинштейн, — можно выделить четыре основные стадии, или фазы: 1) возникновение побуждения и предварительная постановка цели; 2) стадия обсуждения и борьба мотивов; 3) решение; 4) исполнение» [19, с. 190]. В этой схеме С.Л. Рубинштейна отсутствуют два важнейших звена поступка, а именно: 1) то, что предшествует конкретному поступку личности и в известной мере определяет его характер — так называемые «образцы поступков»; 2) то, что следует «за» поступком, т.е. осознание субъектом факта совершения поступка и его оценка как самим субъектом, так и другими лицами (современниками и потомками). Заслуга выделения и первоначальный анализ этих необходимых этапов совершения поступка принадлежит представителям школы Л.С. Выготского — А.Н. Леонтьева¹ (в силу ограниченности объема статьи мы опускаем подробности, отсылая читателя к другим работам (см., например, [21])).

¹ Справедливости ради следует отметить, что С.Л. Рубинштейн не отрицал необходимости «образцов поступков», предшествующих рассматриваемому конкретному поступку личности и во многом определяющих его характер, однако этот этап парадоксальным образом не получил отражения в предлагаемой им схеме.

При подробном систематическом анализе реальных поступков на основе идей школы А.Н. Леонтьева, которые, несомненно, получают при конкретном изучении поступков реальных лиц свою дальнейшую разработку, снимается не только дихотомия естественно-научного и гуманитарного подходов к изучению психологии личности, но и еще более давняя дихотомия «интеллекта» и «аффекта». Как известно, в научных исследованиях и педагогическом процессе до сих пор разделяются (и изучаются зачастую в разных семестрах и с разными преподавателями) познавательные процессы и мотивационно-эмоциональные составляющие деятельности. Между тем в рамках неклассической психологии было предложено иное решение проблемы классификации психических процессов и тем самым новое представление о соотношении «аффекта» и «интеллекта». Оно принадлежит П.Я. Гальперину.² Рассматривая ориентировочную деятельность как предмет психологии, он выделял в ней мотивационную и операциональную (операционную) составляющие.³ Без мотивационной «части» ориентировки она никогда не совершилась бы, поэтому представить себе любой психический и, в частности, познавательный процесс без соответствующего мотивационного обеспечения невозможно. В последнее входят различные процессы побуждения к действиям, например, потребности, мотивы, а также иные реалии, имеющие отношение к этим побуждениям, например, идеалы,

² Остается большой вопрос, требующий специального изучения, насколько творчество П.Я. Гальперина может рассматриваться в рамках школы А.Н. Леонтьева, или же его следует представлять как самостоятельную линию развития неклассической психологии.

³ Хотя существуют определенные тонкие различия между пониманием предмета психологии и истолкованием сущности психического в работах А.Н. Леонтьева и П.Я. Гальперина, мы отвлекаемся от них как несущественных для рассматриваемой нами темы. Поэтому здесь и далее мы будем рассматривать понятия «ориентировочная деятельность» и «психика» как тождественные.

смысловые установки, ценностные ориентации субъекта.

Операционная составляющая ориентировочной деятельности содержит, согласно П.Я. Гальперину, четыре компонента. Первый компонент – построение образа наличной ситуации (картины мира на данный момент времени). Решению этой задачи более всего способствуют процессы, традиционно называемые в психологии познавательными (ощущение, восприятие, мышление). Впрочем, они же обеспечивают решение задач других компонентов ориентировки. Второй момент операционной составляющей ориентировки определяется П.Я. Гальпериным как «выяснение основного значения отдельных компонентов этой ситуации для актуальных интересов действующего субъекта» [4, с. 149], – речь идет об определении субъектом смысла предметов и свойств мира. В решении этой задачи большую роль играют процессы, которые в традиционной психологии называются «эмоциональными (аффективными)». Третий компонент – определение плана предстоящих действий. В решении данной задачи могут принимать участие мышление как специфический познавательный процесс, а также воображение, память и внимание, названные учеником А.Н. Леонтьева В.В. Петуховым (вслед за Л.М. Веккером) универсальными психическими процессами. Наконец, четвертый момент операционной составляющей ориентировки – регуляция действия в процессе его исполнения – требует для своего осуществления внимания, а также процессов эмоциональной и волевой регуляции деятельности.

Таким образом, при тщательном описании и анализе психологической стороны даже одного-единственного поступка как «клеточки» психологии личности мы неизбежно затрагиваем и исследуем все известные в общей психологии психические процессы и состояния. При этом свой вклад в операционную составляющую ориентировки вообще и поступка в частности

вносят индивидуально-психологические особенности личности в широком смысле этого слова, выступающие предметом исследования дифференциальной психологии (темперамент, характер, способности).

Выбрав в соответствии с идеями школы А.Н. Леонтьева, в качестве единицы анализа («категории-клеточки») поступок,¹ мы приближаемся и к решению важной задачи, поставленной на заре неклассической психологии Л.С. Выготским. В свое время, выдвинув в качестве единицы анализа в психологии «механизм одной реакции», что отражало ранний этап его психологического творчества, впоследствии преодоленный, ученый высказал следующую мысль: «Кто разгадал бы клеточку психологии – механизм одной реакции, нашел бы ключ ко всей психологии» [2, с. 407]. Аналогичную задачу (правда, применительно к нейропсихологии) ставил перед собой, но не успел решить, другой представитель неклассической психологии – А.Р. Лурия. По некоторым воспоминаниям, в последние годы жизни А.Р. Лурия собирался написать книгу «в защиту одного клинического случая» [5, с. 254], в котором он предполагал вскрыть все основные проблемы нейропсихологического исследования и доказать возможность использования разрабатываемых им с его сотрудниками теоретических идей при диагностике и коррекции соответствующих нарушений. Стоит специально подчеркнуть, что Л.С. Выготский, А.Н. Леонтьев и А.Р. Лурия разделяли диалектическую идею о единстве общего и единичного, что еще раз подтверждает невозможность противопоставления в диалектической психологии номотетического (выделяющего общее) и идиографического (описывающего

¹ Мы оставляем за скобками требующий отдельного специального исследования сравнительный анализ понимания поступка как единицы психологического анализа в школе А.Н. Леонтьева, с одной стороны, и в трудах С.Л. Рубинштейна и В.А. Роменца – с другой.

особенное) подходов и, напротив, доказывает возможность создания на методологической основе неклассической психологии единой и антидихотомичной по своей сути общепсихологической теории.

Литература

1. *Абдильдин Ж.М., Нысанбаев А.Н.* Диалектико-логические принципы построения теории. Алма-Ата, 1973.
2. *Выготский Л.С.* Исторический смысл психологического кризиса // Собрание сочинений. В 6 т. Т. 1. М., 1982. С. 291–436.
3. *Габай Т.В.* Педагогическая психология. М., 2003.
4. *Гальперин П.Я.* Лекции по психологии. М., 2002.
5. *Иванов В.В.* Бессознательное, функциональная асимметрия, язык и творчество: к постановке вопроса // Бессознательное: природа, функции, методы исследования. Т. 4. Тбилиси, 1985. С. 254–259.
6. *Ильенков Э.В.* Диалектика абстрактного и конкретного в научно-теоретическом мышлении. М., 1997.
7. *Ильин И.П.* Постмодернизм. Словарь терминов. М., 2001.
8. *Леонтьев А.А., Леонтьев Д.А., Соколова Е.Е.* Алексей Николаевич Леонтьев. Деятельность, сознание, личность. М., 2005.
9. *Леонтьев А.Н.* Деятельность. Сознание. Личность // Избранные психологические произведения. В 2 т. Т. 2. М., 1983. С. 94–231.
10. *Леонтьев А.Н.* Философия психологии. М., 1994.
11. *Леонтьев А.Н., Ярошевский М.Г.* Психология // БСЭ. Т. 21. 3-е изд. М., 1975. С. 193–196.
12. *Леонтьев Д.А.* Симбиоз и адаптация или автономия и трансценденция: выбор личности в непредсказуемом мире // Личность в современном мире: от стратегии выживания к стратегии жизнотворчества / под ред. Е.И. Яцуты. Кемерово, 2002. С. 3–34.
13. *Маркс К.* Экономические рукописи 1857–1859 годов. Введение // К. Маркс, Ф. Энгельс. Сочинения. Т. 46. Ч. 1. 2-е изд. М., 1968. С. 17–48.
14. *Новохатько А.Г.* Об Э.В. Ильенкове // Ильенков Э.В. Диалектика абстрактного и конкретного в научно-теоретическом мышлении. М., 1997. С. 3–10.
15. *Петухов В.В.* Природа и культура. М., 1996.
16. *Петухов В.В., Столин В.В.* Психология: методические указания. М., 1989.
17. Постмодернизм проник гораздо глубже в русскую культуру, чем могло бы показаться с первого взгляда: [Электронный ресурс]. Режим доступа: www.russ.ru/russ/culture/besedy
18. *Претель Д.* От «философии марксизма» к философии Маркса. М., 2003.
19. *Рубинштейн С.Л.* Основы общей психологии. В 2 т. Т. 2. М., 1989.
20. *Соколова Е.Е.* Критическая психология (К. Хольцкамп и его школа) и проблема общепсихологической теории // Вестник МГУ. Сер. 14. Психология. 1988. № 3. С. 42–56.
21. *Соколова Е.Е.* Идеи А.Н. Леонтьева и его школы о поступке как единице анализа личности в их значении для исторической психологии // Традиции и перспективы деятельностного подхода в психологии (школа А.Н. Леонтьева) / под ред. А.Е. Войскунского, А.Н. Ждан, О.К. Тихомирова. М., 1999. С. 80–117.
22. *Соколова Е.Е.* К проблеме непротиворечивого определения предмета психологии в школе А.Н. Леонтьева // Вестник МГУ. Сер. 14. Психология. 2003. № 2. С. 32–49.
23. *Соколова Е.Е.* Судьба неклассической науки в эпоху постнеклассической психологии: тезисы доклада // Поверх барьеров: человек, текст, общение: тезисы научной конференции, посвященной 70-летию со дня рождения А.А. Леонтьева, г. Москва, 18–20 мая 2006 г. М., 2006. С. 23–26.
24. *Столин В.В.* Самосознание личности. М., 1984.